

"Лит. газета" 1988, 17 авг. №33

ТЕ

В СТРЕТИЛ я недавно своего приятеля, врача по профессии, и его дочь, перешедшую в 10-й класс, — они возвращались из Театра имени Ленинского комсомола, с «Иванова». Я спросил, каковы впечатления.

— Чурикова играла! — радостно сказала девочка. — Здорово-здорово! И Леонов. Леонов — моя любовь, но здесь он какой-то... скучный. Хотя иногда все равно смешной. А Чурикова — прелесть! А во МХАТе, я знаю, эту же роль Мирошниченко играет, — она тоже прелесть, правда?

Вот такая рецензия. И было неловко спросить: а как пьеса-то подействовала, как сам Чехов «сыграл»? Задела тебя судьба Иванова, этого самоседа и самоубийцы? Хотелось спросить, но девушка была такая довольная, такая веселая... В отличие от своего отца. Тот сообщил мне, когда мы дошли до их дома и дочка скрылась в парадном:

— Бывает, оказывается, такая яркость — постановки, актерских имен, самого исполнения, — которая может отвлекать от сути дела! И такая влюбленность в актера тоже бывает. Плохо ли, что Ленка влюблена в этих актеров? Я считал, что хорошо или, в крайнем случае, безобидно: мастера-то они превосходные! А теперь убедился: и не безобидно, и не хорошо! Это как-то наркотизирует ее, Ленку. Снижает ее способность к пониманию... как вредят этой способности все виды идолопоклонства! Я припомнил из читанного, что Станиславским иногда овладевала ненависть к аплодисментам, он их запрещал.

— Иначе и быть не могло! — обрадовался поддержке доктор. — «Художественники» приглашали публику не восхищаться Началовым, а содрогаться за его Барона!

Я скорректировал: — Нет, и восхищаться, отчего же... Хотя бы в благодарности за то, что он заставил нас содрогнуться, обеспокоил нашу совесть, привел в движение нашу мысль. Конечно, возгласы «браво» и букетики хризантем — не самоцель...

— А сейчас, я смотрю, их-то и помогают. Не всегда, но все чаще! — доктор своего раздражения не таил.

Надо в интересах точности заметить: как театральные мы отсчитываем свой стаж со второй половины 50-х годов.

— Что ты ворчишь? — спросил я. — Забыл полупустые зрительные залы? Ведь факт неопровержимый, что театр в целом сейчас вернул себе зрителя, что мы свидетели значительного театрального «бума», что здорово выросло мастерство режиссуры, поднялся средний уровень профессионализма и у драматургов, и у актеров...

— Неопровержимо, считаешь? А если разрешить себе роскошь — я ведь не работаю в искусстве, я могу! — вооружиться мерилком Льва Толстого? Он, помните, ни в грош не ставил все эти «чисто профессиональные» успехи, если тощим было нравственное содержание! Содержание пропустите вперед, дайте мне суть, тряните меня вашим духовным электричеством! Мастерство — оно ведь только в проводнике этого тока, в идеале я не должен и замечать, как вы его подключили ко мне... А я заменяю. С холемом фиксирую все ухищрения и пассы — постановочные, актерские, музыкально-шумовые, «сценорафические», световые...

Представь, я покажу моему больному наше хирургическое оборудование во всем блеске. Он будет качать головой, цокать языком: да-а, мастера, корифеи, благодетели наши... чего только не придумали, надо же... Но останется в силе его главный, его младенчески простой вопрос: а буду ли я здоров от всего этого? И если мой ответ уклончив, если я отведу глаза, — черта ли ему в этой технике!

— А что для тебя в театре-то эквивалент этого здоровья?

— Это когда спектакль стал для людей событием. Давай-ка вспомним, были ведь такие!

Еще бы! Перебивая друг друга, вздохнув, мы стали называть: «Поре-от-ужа» и

Доктор усмехнулся и процитировал:

— «Я не знаю, как остальные, но я чувствую жесточайшую не по прошлому ностальгию — ностальгию по настоящему». Под «настоящим» понимается истинное, неподдельное. Только об этом и речь. Возвращаясь со своей Ленкой из театра, я хочу иметь матерьялец для разговора о жизни! О ее жизни, о своей... Хочу, чтобы Ленка шевелила мозгами на спектакле и после. Хочу, чтобы эта «акселератка» ощущала себя человеком своего времени, с какой-то гражданской стрункой, с пропиской в отечественной истории, черт возьми! Почему она сюсюкает: «Леонов — моя любовь... Чури-

ков — прелесть... Мирошниченко — тоже прелесть...»? На стеллажах у нее красуются под стеклом Терехова, Джигарханян, Алла Демидова, Смоктуновский, Золотухин, братья Соломины... Можно коллекционировать коробки от импортных сигарет, а можно актеров, но в обоих случаях это ярмарка тщеславия! Я не хочу обидеть актеров, особенно — этих. Именно мое уважение к ним протесует, когда их лица, их имена я вижу в этом пасьянсе модно-мишурно-престижных псевдоценностей!

— Почему же не в ролях? — спросил я.

— Не знаю, это вопрос к Вахтанговскому театру. А что, действительно

имеем право спросить: талант Ульянова — общепризнанное достоинство! Только такие формулы не должны производить цепенеющего действия, не должны ассоциироваться с охранными надписями: «Не кантовать!» или «Руками не трогать!»... Знаешь, на шекспировском Ричарде я чувствовал себя ужасно виноватым перед Ульяновым: он так «выкладывался», у него такие страшные физические и энергетические затраты в этой роли... а я был холоден. Потому что узнал, что зло есть... зло, что оно одиноко, вероломно, бездушно, аморально, кроваво... Но мне кажется, я еще из детских сказок это знаю! В результате на этом пиршестве ульянов-

вести, тогда мой замах правительный. Если же задачку взять посложнее — скажем, самокупаемость театров и отвлечение публики от «подкидного дурака», — тогда я очернитель великих достижений...

Вот с какой колокольни интересно судить о театре... — Согласен. Но при столь высокой точке обзора сразу бросается в глаза, что ты ставишь телегу впереди лошади. До сих пор ты все время говорил об актерах. Но ведь они зависят от драматургии...

— Ну, это само собой. Однако ты перехватил нас с Ленкой, когда мы плелись со спектакля по Чехову — этот автор, как всегда, на высоте, но... — удивительное дело! — повстре-

Георгий ПОЛОНСКИЙ

АНШЛАГ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ!

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

«Идиот» в БДТ у Г. Товстоногова, эфросовские постановки А. Хмелина и В. Розова, «Власть тьмы» с И. Ильинским и В. Дорониным в Малом, «Живой труп» с Михаилом Романовым, спектакли «Современника» — многие! — но особенно во А. Володину, по В. Тендрякову... Я еще вспомнил режиссерский триумф Ролана Быкова в Студенческом театре МГУ, а приятель добавил «Дневник Анны Франк», поставленный там же И. Соловьевым, и не преминул заметить: актеры Студенческого театра не были «звездами». Они даже профессионалами не были — по статусу. Не имели еще этого статуса и ученики Ю. Любимова, когда они впервые показывали на учебной сцене свой бедный, грубоватый, страстный «театр улицы», столь верный духу Брехта и Вахтангова, — кто знал тогда, что «родившаяся в канаве» Шен Те из Сезуана откроет свою табачную лавку в собственном доме на Таганке и что начнется нестихающее паломничество туда? «Профессия» во всех этих спектаклях отличалась внушительной «мускулатурой», но напрягала ее не для того, чтоб зритель ахал, а для подъема реальных тяжей в сфере содержания. Успех означал не одну признательность, но прежде всего горячую солидарность сцены и зала во взглядах на правду и кривду жизни. Аплодисменты говорили о том, что зритель существовавшая истина, проясненная для него искусством...

— А «История лошади» в БДТ — разве пример не того же рода? Но это пример сегодняшней!

— Пожалуй... Почти наверняка! Но зал уже не тот, понимаешь? Сам зритель не тот. А чем — объяснить затрудняюсь... У него апломб ценителя, у него наготове какая-то тарифная сетка... актеры, режиссеры, художники выигрывают по очкам — никогда не покажут! Когда в последний раз ты был в «эстетическом нокауте»? В таком, который отменяет твоё многоопытное суждение, и подсчет очков, и даже аплодисменты? Когда «кончается искусство, и дышат почва и судьба»?

— Твой случай ясен, — перебил я. — У тебя типичная ностальгия по прошлому, по 60-м годам. По молодости, которая, увы...

У театрального подвезда...

Фото А. КАРЗАНОВА

кова — прелесть... Мирошниченко — тоже прелесть...? На стеллажах у нее красуются под стеклом Терехова, Джигарханян, Алла Демидова, Смоктуновский, Золотухин, братья Соломины... Можно коллекционировать коробки от импортных сигарет, а можно актеров, но в обоих случаях это ярмарка тщеславия! Я не хочу обидеть актеров, особенно — этих. Именно мое уважение к ним протесует, когда их лица, их имена я вижу в этом пасьянсе модно-мишурно-престижных псевдоценностей!

Разве мы с тобой, возвращаясь когда-то со спектакля, который нас «разворочил», были безразличны к актерам, не испытывали благодарности? Живейшая была благодарность! Возьми, скажем, молодого Олега Табакова — чем он нас «грел»? Обаянием? Да. Артистизмом? Бесспорно. Но главным образом — той нравственной, что ли, программой, которую он со сцены и с экрана нес под разными именами. Нес и утверждал ее от лица поколений... А Михаил Ульянов? Он выходил — и словно звучали для нас какие-то особые, тревожные позывные... Они и сейчас еще сопровождают его, эти позывные гражданственности, только в ролях-то редко, чаще — когда он выходит говорить от себя, как Ульянов...

— Почему же не в ролях?

— Не знаю, это вопрос к Вахтанговскому театру. А что, действительно

сского мастерства у меня, так сказать, по усам текло, а в рот, к сожалению, не пошло. Потом читал рецензии и завидовал тем критикам, которых спектакль потряс. Слушай... — доктор остановился. — А может, он их не потрясал? Трудно стало понять; автор восторженного отзыва сам, лично задел тем, о чем пишет, или это непрофессионально теперь и необязательно — верить себе, пульсу и чувству своему? Когда профессионализм на таком подъеме, это возможно... Даже Ленка моя овладела этой системой оценок: как ты убедился, трагедия Николая Иванова не слишком разбередила ее, а спектакль тем не менее очень понравился! Играют актеры-фавориты, постановщик проявил избирательность, дерзость, что-то зашифровано, что-то ошеломляет, в зале аншлаг, у входа страждущие — не может все это вместе не понравиться, обязательно понравится!

В итоге бедный мой ребенок просто не знает, не испытал на себе, что театр дана власть не просто впечатлять, но еще и быть духовным руководителем человека... Ты вспомни: когда он, театр, выпускал из рук эту власть или злоупотреблял ею, Станиславский и Немирович-Данченко самые крайние слова не считали чересчур резкими: «опасность», «катастрофа», «измена», «гибель театра» — их письма пестрят такими паническими гиперболоми... Отчего это? От высокого, высочайшего представления о миссии театра... Если отсюда отсчит

чал бы нас, когда мы с ней шли из МТЮЗа, посмотрев «Остановите Малахова!» по пьесе В. Аграновского, — в тот вечер мы оказались бы тебе гораздо более одухотворенной парочкой! Да-а, я серьезно. Хотя сравнивать ту и эту драматургию — затае нелепая. Валерий Аграновский — журналист, пьесу он смонтировал из своих очерков, которые печатала с продолжениями «Комсомолка», и первоисточник сохраняет в спектакле публицистический стиль, репортажную манеру подачи характеров... И нет в этом «Малахове» таких актерских «звезд», какие были для нас приманкой сегодня... Словом, разговорами о мастерстве не объяснишь разницу наших зрительских состояний, тогдашнего и сегодняшнего. Она по-другому объясняется: у тюзовцев была нравственная и гражданская сверхзадача. Вероятно, нелепая. Зато ненадуманная. Им действительно важно понять, почему стал преступником 15-летний Андрей Малахов, кто в этом виноват и что надо было делать, чтобы он не оказался в колонии. Вся соль в этом неподдельном желании понять, докопаться! И все ищет точку перегиба в малаховской судьбе, причину беды. Не изображают поиски, а ищут. И я не поверю, что идет это от «чистого профессионализма», — источник питания другой: В. Аграновский был в колонии для несовершеннолетних, неизбежно рассказывал о ней актерам, наверное, горько рассказывал... Вот и родилась боль

за этих мальчишек... Да, боль. Частенько пробуют выдавить сострадание из сердца зрителя, сами оставаясь холодными или даже циничными. В таких случаях хочется сложить три пальца в известную комбинацию: держите карман шире!..

А что касается драматургии, я боюсь удариться в рассуждения о том, «отстанет» она или нет. В цеховых ваших проблемах я смысла мало, театр для меня один и, натурально, представлен прежде всего актером... «Владыка сцены» — так его принято называть?

— Считается, что мы живем в эпоху «режиссерского театра», — напомнил я и покосился на профиль доктора, но не прочел там ни отрицательной реакции, ни положительной. Слово ни сообщил, что на этой улице — одностороннее движение...

— Как это у Евтушенко? — спросил он вдруг сам себя. — «У нас у всех одна и та же есть болезнь души. Поверхностность ей имя». Применительно к театру случается иногда горделиво подумать: неправда, не у всех! Была у меня эта мысль на двух товстоноговских спектаклях, вот на последних июньских гастролях БДТ... И когда я ибсеновского «Бранда» смотрел в Риге, в театре Райниса. И на лучших работах Эфроса...

И все-таки много зрелищ, подтверждающих тот грустный диагноз. Поверхностность. Блестящая, скользкая, шарнирная, развязно подмигивающая, самодовольно уверенная в том, что нам ее-то и надо!

Зимой я ехал из Ленинграда и в купе «Красной стрелы» познакомился с актером Д. Он сравнительно молод, но уже маслит, верно? Выдал он мне, то ли жалуюсь, то ли рисуюсь, такой «самоотчет» за неделю: три выезда на «Ленфильм», три спектакля в родном столичном театре, из них один — премьерный, съемки сериала в телеобъединении «Экран», запись пластинки, дубляж на студии Горького, пробы на «Мосфильме», радиопередача «С добрым утром!», дикторский текст на ЦСДФ... и кажется, это еще не все — где мне запомнить! Слушай, вот ужас-то! Какая суета и саморастрата! Зачем? У него были красивые, как у кролика, глаза... Он достал из портфеля два сценария и один из них перебрисил мне с уксовой миной: «Про вас, про медиков. По-моему, бред...» Однако он участник этого «брёда»! Он уже не художник, он — предприятие! Колесо вращает белку, белка вращает колесо... Где уж там толковать про исповедничество, про «учительность» русского искусства, про нравственную программу, про сквозную актерскую тему, про гражданскую сверхзадачу...

...Раза два доктор проводил меня до моей троллейбусной остановки, потом мы опять возвращались к его дому. Стояли как раз под его окнами, что на 3-м этаже, когда оттуда выглянула Леночка:

— Все гуляете? А по телу, оказывается, «Скучную историю» повторяют. Везде Чехов, какое-то повальное увлечение...

— Это же с Бабочкиным! И ты молчала?! — вспламенился доктор. — Все, брат, бегу!

Леночка в окне засмеялась: — Столько в нем еще детского!.. Вы тоже поднимайтесь, будем чай пить с тортом. Отличный торт есть — «Отелло» называется, знаете?